

С. Т. А К С А К О В

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

С. Т. А К С А К О В

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

СКАЗКА
КЛЮЧНИЦЫ
ПАЛАГЕЙ

ХУДОЖНИК А. АЗЕМША

Москва «Советская Россия» 1982

неким царстве, в неким государстве жил-был богатый купец, именитый человек. Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных камней, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных камней, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее. Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридцать земель, в тридцатое царство, в тридцатое государство, и говорит он своим любезным дочерям: «Дочери мои милые, дочери мои хороши, дочери мои пригожие, еду я по своим купеческим делам за тридцать земель, в тридцатое царство, тридцатое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смиренно, и коли вы будете жить без меня честно и смиренно, то привезу вам такие гостиницы, каких вы сами пожелаете, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостиниц вам хочется». Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостиниц желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги, да и говорит ему перада: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого, а привези ты мне золотой венец из камней самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от него светло в темную ночь, как среди дня белого». Честной купец призадумался и сказал потом: «Хорошо, дочь моя милая, хороша и пригожая, привезу я тебе таковой венец; знаю я за морем такого человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевны заморской, а и спрятали он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, да тремя дверьми железными, да тремя замками немецкими. Работы будет немалая: да для моей казны супротивного нет». Поклонилась ему в ноги дочь средняя и говорит: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золота венца самоцветного, а привези ты мне тувалет из хрустала восточного, цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту подвешенную и чтоб, смотря в него, я не старилась и красота моя девичья прибавлялась». Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова: «Хорошо, дочь моя милая, хороша и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой королевны, красоты несказанной, неописанной и негаданой; и скрывает тот тувалет в терему каменном, высоком, и стоит он на горе каменной, вышиной той горы в триста сажень, да семью дверьми железными, да семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени

стоят по воню персидскому и день и ночь, с саблею наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носят королевские на поясе. Знаю я за морем такого человека, и достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твою работу сестриной: да для моей казны супротивного нет». Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных сободей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленький цветочек*, которого бы не было краше на белом свете». Призадумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, дополнить сказать не могу; подумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь любимую и говорит таковые слова: «Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных. коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? *Аленький цветочек* не легко найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не измизи». И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, и ихние терема девицы. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку. Вот едет честной купец по чужим сторонам заморскими, по королевским невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева; он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота: золотой казною корабль нагружает да домой возвращает. Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венцы с камнями самоцветными, и от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и, смотря в него, девицы красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей, любимой дочери, *аленького цветочка*, краше которого не было бы на белом свете. Находил он во садах царских, королевских и султановых много *аленьких цветочков* такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать: да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путем-дорогою, со своими саугами верными, по пескам сылучим, по лесам дремучим, и откуда ни возьмись налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские, нехристи поганые, и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою своею верною и бежит в темны леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плену, во неволе». Бродит он по тому лесу дремучему, непроезжаемому, непроходимому, и что дальше идет, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а чащы кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не прогнупуть, смотрит направо — ни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо совершается, а сам все идет да идет: у него под ногами дорога торная. Идет он день от утра до вечера, не слышит он реву звериного, ни шипения змеиного, ни крику совиного, ни

голоса птичьего: ровно около него все живое мерло. Вот пришла и темная ночь: кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлехонько. Вот идет он почитай до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминуемую?» Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сузился вперед — дорога торная. «Дай постою на одном месте, может, зарево похлест в другую сторону, или прочь от меня, аль потухнет совсем». Вот и стал он, дожидается, да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идет, и как будто около него светлеет становится; думал он, думал и порешил идти вперед. Двух смертей не бояться, одной не миновать. Перекрестился крестом и пошел вперед. Чем дальше идет, тем светлеет становится, и стало почитай, как белый день, а не слышно шума и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую, а посреда той поляны широкая стоит дом не дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видеть; ровно солнышко красное, ища тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нем музыка согласная, какой никогда он не слышивал. Входит он на широкий двор, а ворота широкие, растворенные; дорога по-

шла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды, высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным сукном, со перилами позолоченными, вошел в горницу — нет никого; в другую, в третью — нет никого, в пятую, десятую — нет никого; а убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кости слоновая и мамонтовая. Дивится честной купец такому богатству сказанному, а вдвое того, что хозяина нет, не токмо хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкаячи, подумал он в те поры про себя: «Все хорошо, да есть нечего», и вырос перед ним стол, убраный, разубраный: в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные. Сел он за стол без сумления, напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые: кушанье такое, что и сказать нельзя — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по десам и пескам ходячи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб, за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стол с кушаньем как не бывало, а музыка играет не умолкаячи. Дивуется честной купец такому чуду чудному и тихому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любитесь, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да вздремнуть». — И видит, стоит перед ним кровать резная из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными, подушечки на ней как гора лежат, подушечки мягкого, лебяжьего. Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному: дожил он на высокую кровать, задергивает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шелковый. Стало в палате темно, ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть по сие увидеть», — и заснул тот же минутку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснувшись купец, а вдруг опомниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселехоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочерей есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дожидаясь его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, куда не воротится ее любимый батюшка. И стало у него на душе и радостно и не радостно: встал он со кровати высокий, платье ему все приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он плещется, умывается и уж новому чуду не дивится; чай и кофе на столе стоит, и при них закуска сахарная. Помолвившись богу, он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Все показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодотворные, и цветы цветут красоты не описанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зеленого, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады. Гуляет он и любитесь; на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, вида, глядя на них, слювки текут; цветы цветут распрекрасные, махровые, пахучие, всякими краска-

[illegible]

великого, а нажил казны широкое четверо, а есть и чужая рука, и скажу вам об ней тайну и иную, а нынче будем веселиться». И приказал ей ризы голубые, тарелки железные, скатерть шелковую, а старшей дочери — чашей перламутровой, золотой арапник, а на огне не горит и воде не ржавеет, то к ней и маме, и сестрам достает гостиница, срединей дочери, хрустальною постелью, а младшей, меньшой дочери, золотой куршак с цветочком аленьким, а старшей дочери от радости разлились слезы, а свои гостиницы в терема высокие и там, а там тоже им достало потешалось. Только дочь меньшая, любимая, увидев цветочек аленький, затряслась вся и заплакала, тайно в сердце ее что ужалило. Как возговорила к ней тетка, такая речь: «Что же, дочь моя, милая, любимая, не берешь ты свекла желанного? Краше его нет на белом свете». Взяла дочь, мать, а цветочек аленький, ринувшись, целует руки, целует, а сама плачет, горючими слезами. Скорее прибежали сестры, старшие попытали, аны гостиницы отцовские, и не могут опомниться от радости. Тогда сели все они за столы дубовые, закатерты брачные, за яства сахарные, за пития мезявые, стали есть, пить, прохлаждаться, ласковыми речами утешаться. Вечеру гости поехали, и стал дом у купца дозвониться дорогих гостей, сродников, утешников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалась, и такая была вечерняя гирька, какого честной купец у себя в дом не вивывал, и оттого, а что брату, не мог догадаться он, за и все то ему пивовались и посулы золотой, серебряной, и куршак ласковых, каких ни когда в дому не вивывали. Завтра позвал к себе купец старшую дочь, рассказывал

[illegible]

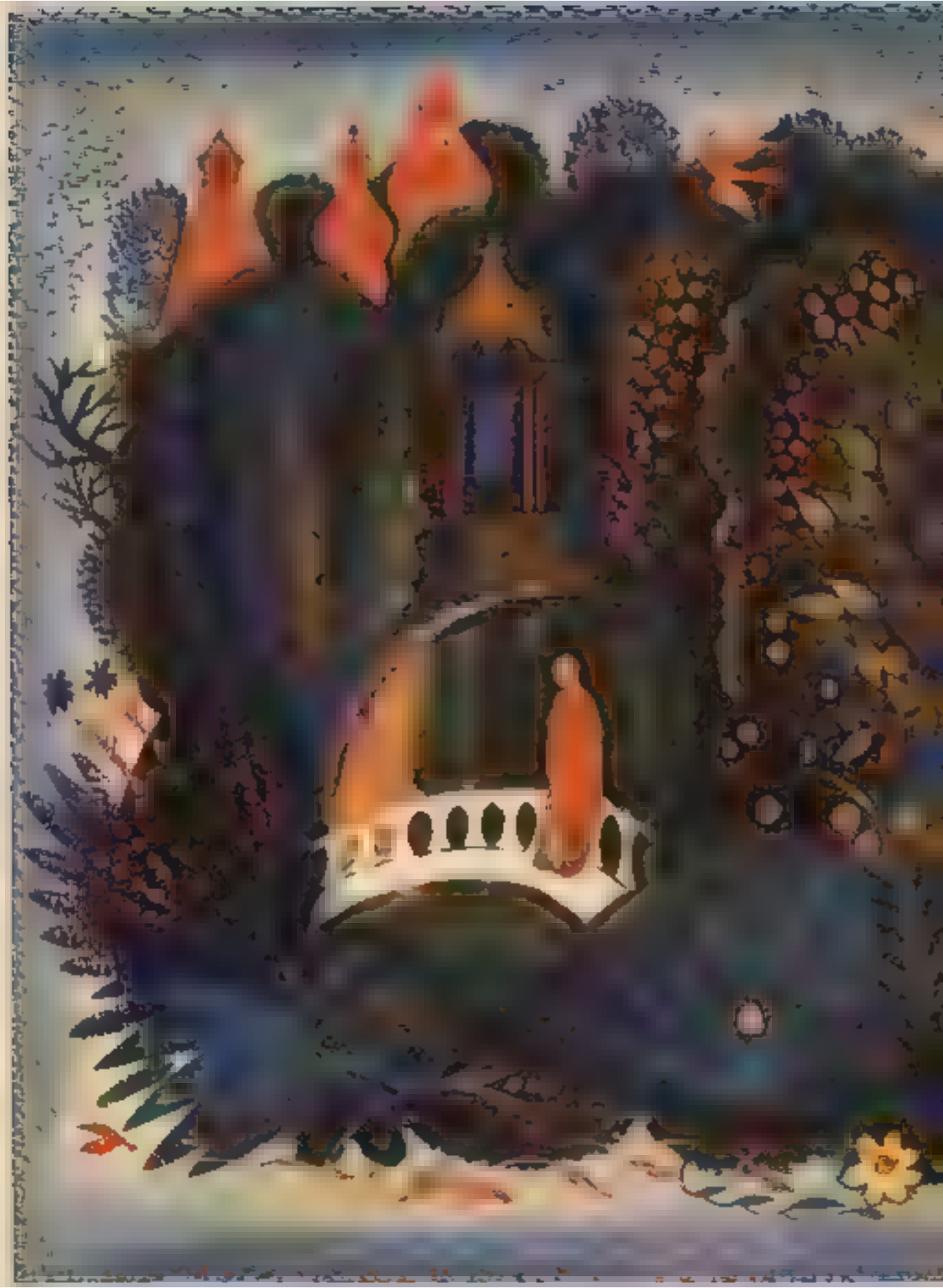
Опустилась она во второе зверя лесного, чувствительно ее потянуло к камышам — и архаично и резко и остро — о немом и хрустальном, на голубики, пух, заблуждающего, подражателем ее — о ней — камыш, ровно она и с места не сходит, равно она целый век, тут жила, ровно она и плавала, да — как — у нее — для — раз — м — з — м —

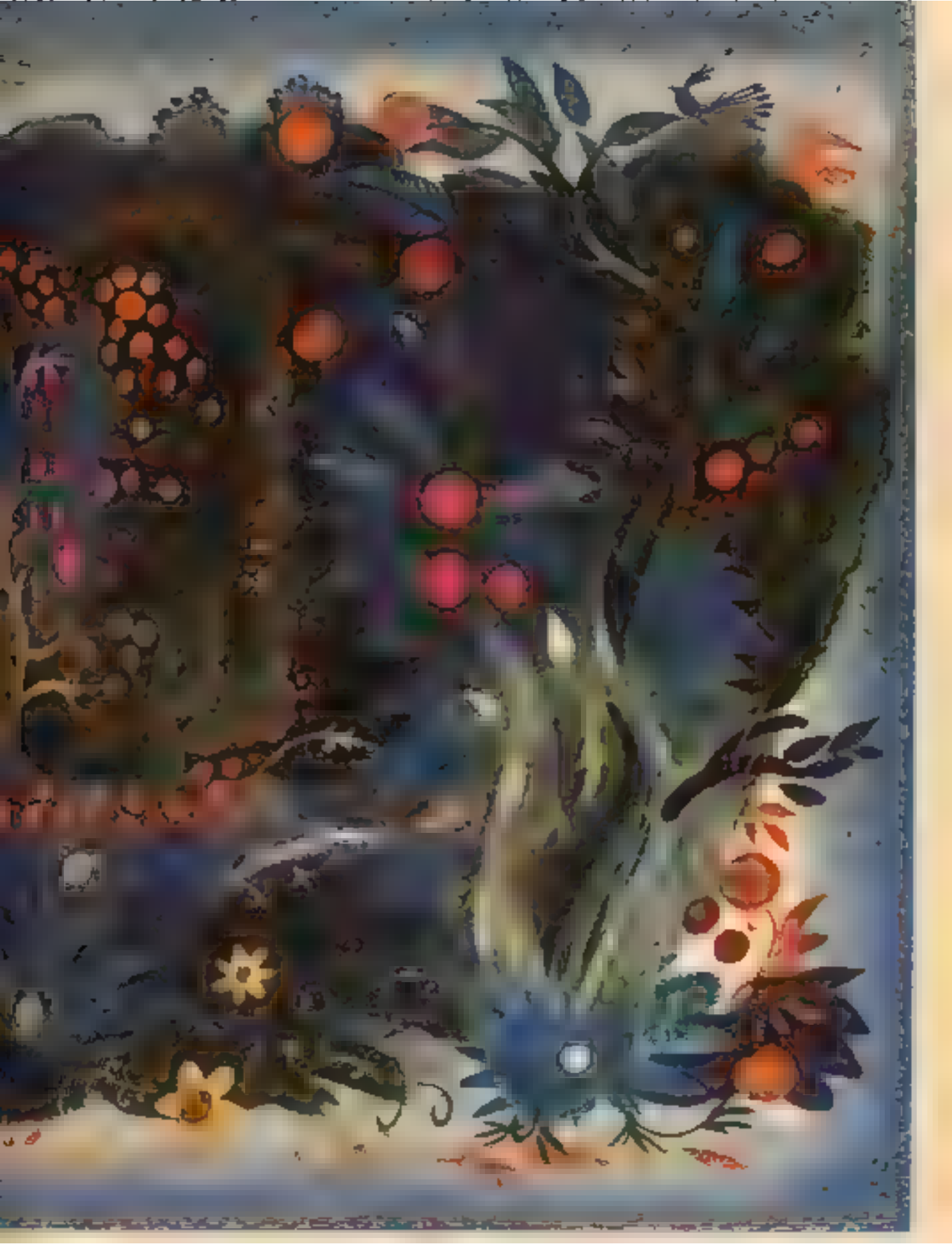

подня чистотливый» — как на белой мраморной стене появились и сползли огненные «Не жидок я твой, а послушный раб. Ты меня сохрани и не давай тебе познать, все что тебе на ум придет, исполнять я буду с хотою». Прочитала она сползевшие огненные и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысли написать письмо к своему родителям и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумать, как витит она перед ней бумага лежит золотое перо со чернилами. Прист она письму к своему батюшке родимому и сестрам своим любезным. «Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу на дворец у тверя честного чуда морского, как королевича, самотого его не вижу и не слышу, а пишет о нем на стене беломраморной сползшими огненными, и идет он все что у меня на мысли, и тоже минутами с испугом и не хочет он называться господином моим, а меня называет госпожой своей». Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз ее словко его тут и не было. Заиграла музыка, оуде, режнего, на столе появились яства сахарные, яства медвяные, вся похвала золота червоного. Села она за стол, расселехонька, хотя сразу не обедала одна одиошенька, села она пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обеда, как тамшась, она почивать легла, заиграли музыка потише и подальше по той причине, чтоб ей спать не мешали. После она стала она расселехонька и пошла опять гулять по садам зеленым, потому что не успела она во обеда обходить и половачи их наглядеться, а все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялись, а спелые плоды груши, персики и наливные яблочки сами в рот лезли. Походив время немз

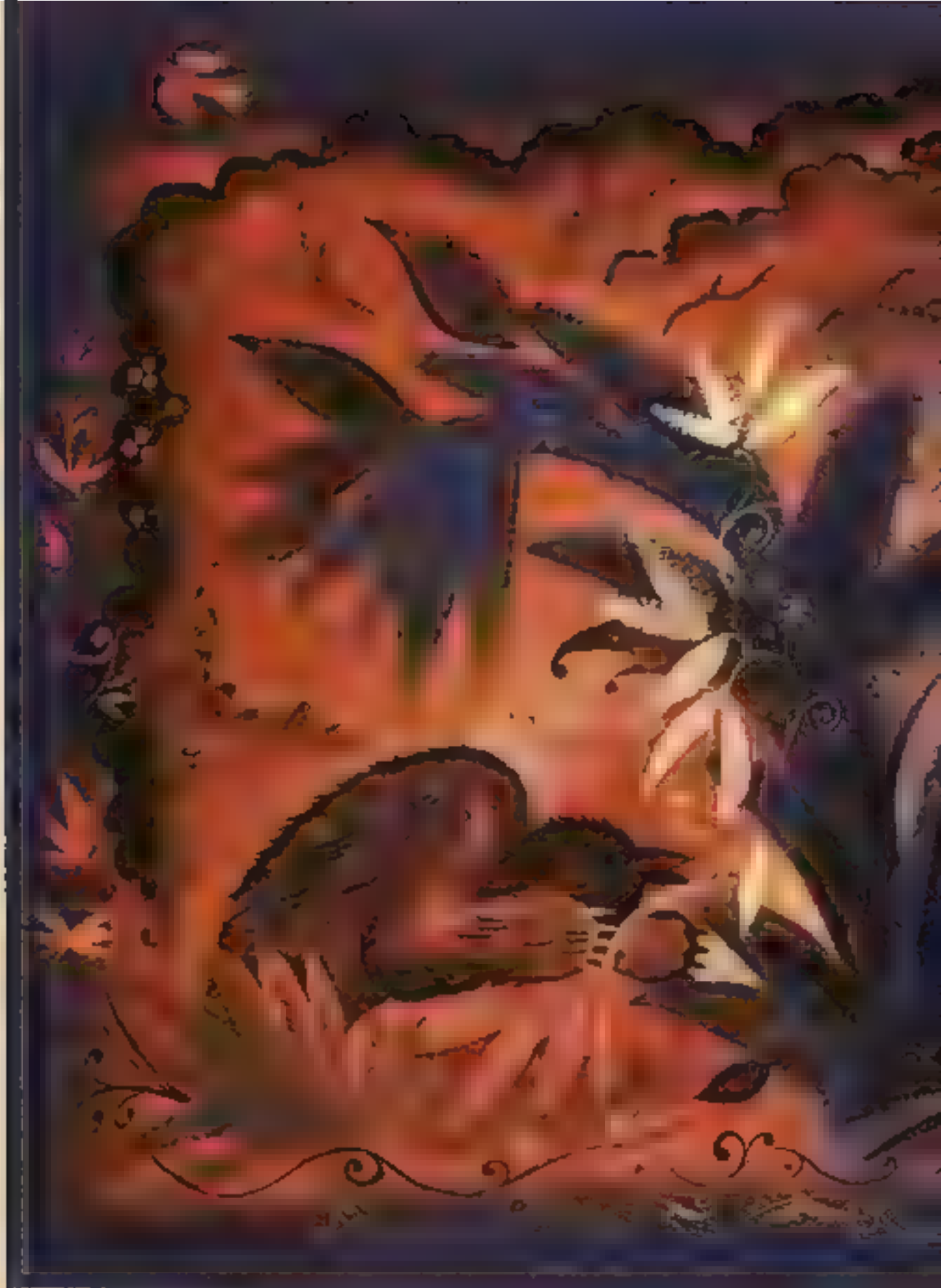
[illegible][illegible][illegible]

[illegible]

меня, еще малолетство, и сатанинским колдовством своим, силой нечистою, оборотила меня в чудище страшное и наложила таковое заклятие, чтобы жить мне в таком виде безобразном, противном и страшном для всякого человека, для всякой твари божией, пока не найдется красная девица, какого бы роду и звания ни была она, и полюбит меня в образе страшилища, и пожелает быть моею женою законною, и тогда колдовство все покончится, и стану я опять по-прежнему человеком молодым и пригожим; и жил я таким страшилищем и дугалом ровно тридцать лет, и залучал я в мой дворец заколдованный одиннадцать девиц красных, в ты была двенадцатая. Ни одна не полюбила меня, чудище противное и безобразное, за мои ласки и угождения, за мою душу добрую, за любовь мою к тебе несклонную, и будешь ты за то женою короля славного, королевскою в царстве могущем».

Тогда все тому подивились, свита до земли преклонилась. Честной купец дал свое благословение дочери меньшой, любимой, и молодому принцу-королевичу. И проздравил жениха с невестою сестри старшие завистные и все слуги верные, бояре великие и кавалеры ратные, и немало не медля, принялись веселым пирком да за свадебку, и стали жить да поживать, добра наживать. Я сама там была, пива-мед пила, по усам текло, да в рот не попало.

408

SECRET

14] Леонов Ю. Ветеринария. Советская ветеринария. 1981.
Худов А. Леонов — М.: Сов. Россия, 1981 —
32 с., ил.

A 44-11189-01 — 7.5
44-11189-01 — 2.4